

«Порываю всякую связь...»: члены семей священнослужителей-«лишенцев» Западной Сибири в борьбе за свои права (середина 1920-х – середина 1930-х годов)

Статья посвящена проблеме дискриминационного положения членов семей православных священнослужителей-«лишенцев» в советском обществе середины 1920-х – середины 1930-х годов. На основе личных дел священнослужителей-«лишенцев» Западной Сибири анализируется поведение членов семей данной группы в борьбе за восстановление в избирательных правах, рассматриваются приводимые ими в заявлениях аргументы и мотивации. Обращается внимание на позицию властей в отношении членов семей священнослужителей, лишенных избирательных прав.

Ключевые слова: члены семей «лишенцев», духовенство, православные священнослужители, адаптация, Западная Сибирь.

Лишение избирательных прав было введено большевиками уже в Конституции 1918 г. В статье 65 определялось семь категорий лишаемых избирательных прав, к которым относились лица, использовавшие наемный труд с целью извлечения прибыли, жившие на доходы в виде процентов с капитала, доходов с предприятий, поступлений с имущества, частные торговцы, торговые и коммерческие посредники, монахи и духовные служители церквей и религиозных культов, служащие и агенты бывшей полиции, душевнобольные, осужденные¹. До 1925 г. лишение избирательных прав распространялось только на самого «лишенца» и не касалось его родственников. Новая категория «члены семей лишенца» появилась в Инструкции о выборах в советы 1925 года². Лишение избирательных прав носило не только политический, но и социальный характер, так как «лишенцы» подвергались дискриминациям в ряде гражданских и социальных правах. Оказываясь в рядах «лишенцев», родственники разделяли неполноправный статус главы семьи и подвергались дискриминациям наравне с ним. Поэтому главная задача «лишенцев» заключалась в том, чтобы добиться восстановления и стать полноправными гражданами.

В отечественной историографии члены семей «лишенцев» чаще рассматриваются в исследованиях, посвященных всем категориям лиц, лишенных

---

¹ Конституция (Основной закон) РСФСР, принятая V Всероссийским съездом Советов в заседании 10 июля 1918 года. Ст. 65. // Конституции и конституционные акты РСФСР (1918–1937). М., 1940. С. 29.

² СУ РСФСР. 1925. № 79. Ст. 603. Гл. III, ст. 18.

избирательных прав³, а также в работах, в которых рассматриваются проблемы интеграции и адаптации «бывших» в советском обществе⁴. Исключением является статья Д.А. Поляковой, непосредственно рассматривавшей ситуацию в семьях «лишенцев» на Алтае⁵. Автор делает вывод о губительном влиянии лишения избирательных прав на семейные ценности, отмечает, что восстановиться в правах было проще тем, кто порвал связь с родными-«лишенцами»⁶. В исследованиях о священнослужителях-«лишенцах» аспекты положения членов семьи занимают периферийное положение⁷. Таким образом, специальных исследований, посвященных именно семьям священнослужителей-«лишенцев», ранее не проводилось. Между тем, к членам семей священнослужителей власти относились с двойным предубеждением: во-первых, как к лицам, состоящим на иждивении «лишенца», а во-вторых, как к имеющим отношение к духовенству. Данная проблема важна в контексте изучения взаимоотношений власти и общества на микроуровне, где конфликтная, дискриминационная ситуация преломляется через внутрисемейные отношения.

Целью статьи является анализ способов борьбы членов семей православных священнослужителей-«лишенцев» за восстановление в избирательных правах и ответной реакции органов власти. Статья базируется на материалах 102 личных дел, выявленных в архивах Новосибирской, Томской, Омской областей и Алтайского края.

В созданную электронную базу данных внесена информация о 118 персоналиях, так как одно дело могло включать информацию о нескольких «лишенцах». Оценить общую численность членов семей священнослужителей Западной Сибири, лишенных избирательных прав, не представляется возможным. Численность всей категории членов семей «лишенцев» в 1927 г. составляла 38,7 тыс. человек, а в 1929 г. – 92,9 тыс. человек⁸. Из данной выборки 38 человек (32,2 %) составили жены священнослужителей, 80 человек (67,8 %) – дети; 47

³ Саламатова М.С. «Лишенцы» // Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы). Новосибирск, 2007. С. 3–37; Валуев Д.В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) (на материалах Смоленской губернии и Западной области). Смоленск, 2012. 155 с.

⁴ Смирнова Т.М. «Бывшие люди» Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции 1917–1936 годы. М., 2003.

⁵ Полякова Д.А. Семья «лишенцев» на Алтае: борьба за избирательные права // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 2007. Ч. 2. С. 65–68.

⁶ Там же. С. 67.

⁷ Русина Ю.А. Характеристика лишенных избирательных прав за связь с религиозным культом на Урале в 1920–1930-е годы // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е гг.). Нижний Тагил, 1997. С. 119–129; Русина Ю.А. «Нет права голоса – нет доверия»: почему лишенцы ходатайствовали о восстановлении в избирательных правах // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 2009. [Вып. 7]. В. 2 ч. Ч. 1. С. 192–200.

⁸ Красильников С.А. На изломах социальной структуры. Маргиналы в послереволюционном российском обществе, 1917 – конец 1930-х годов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://zaimka.ru/soviet/krasilm1_p1.shtml. Дата обращения 15.07.2016.

(39,8 %) «лишенцев» проживали в городах, 71 (60,2 %) – в сельской местности.

Дискриминационные меры, сопутствовавшие лишению избирательных прав, – такие, как выселение из квартир, лишение социальных пособий и пенсий, ограничение доступа детей «лишенцев» к получению образования, повышенное налогообложение – вынуждали «лишенцев» искать разные пути и возможности для восстановления. Одной из очевидно вынужденных реакций жен священнослужителей являлся развод в целях восстановления в избирательных правах. Уместно допустить, что в каких-то случаях разводы были фиктивными. Трудно сказать, насколько супруги были искренними в своих отречениях. Расторжение брака не давало автоматического восстановления, для этого следовало подавать ходатайство. Одна бывшая жена священника следующим образом объясняла причины своего развода: «...не желая больше жить с моим мужем, который, несмотря на мои просьбы бросить профессию служителя религиозного культа, продолжал оставаться священником, я в феврале месяце 1930 г. 3-го числа расторгла с ним брак и ушла с ребенком к своему отцу-рабочему»⁹. Далее она писала, что, когда выходила замуж, ее муж не был священником, а стал им уже после женитьбы. В данном заявлении, с одной стороны, подчеркивается факт разрыва отношений с мужем и то, что заявительница занимала негативную позицию по отношению к его службе в церкви; с другой стороны, она делает важный акцент на то, что ее отец является рабочим, указывая, таким образом, на свое пролетарское происхождение.

К разводам «лишенцев» местные власти относились с заведомым подозрением и часто считали их фиктивными. Так, в отношении другой бывшей жены священника Коченевская комиссия постановила оставить ее в списках «лишенцев»: «...не порвавшая до настоящего времени связь с мужем... в виду этого, что бракоразводная справка фактически является фиктивной, поскольку бракоразвод был заключен после лишения избирправ ее мужа»¹⁰. То есть сам факт того, что супруги решили развестись после лишения избирательных прав, автоматически, с точки зрения властей, делал развод фиктивным, и в результате в восстановлении в избирательных правах отказывали.

Проявляли активность по выявлению фиктивных разводов и «бдительные» граждане. Так, томская гражданка в 1931 г. доносила о своей соседке, бывшей жене священника: «Они как будто бы развелись, но на самом деле он содержит ее, приезжает к ней и одним словом связь тесная...»¹¹. Далее доносительница выражала недоумение тем, что соседка не числится в списках «лишенцев». По всей видимости, донос имел последствия, так как в 1934 г. бывшей жене священника пришлось ходатайствовать о восстановлении в избиратель-

⁹ ГАНО. Ф.Р-457. Оп. 1. Д. 594. Л. 4. Заявление О.Н. Хохловой в Томский окружной исполнительный комитет от 21.05.1930.

¹⁰ ГАНО. Ф.Р-490. Оп. 1. Д. 524. Л. 2. Выписка из протокола №22 заседания комиссии по рассмотрению списков лиц, лишенных избирательных прав по Коченевскому району 20.05.1930.

¹¹ ГАТО. Ф.Р-430. Оп. 3. Д. 415. Л. 6.

ных правах, хотя на тот момент бывший муж ее уже три года как умер¹². В итоге, ее просьба была удовлетворена, и из списков «лишенцев» ее исключили. В противовес доносам, граждане проявляли и солидарность, подтверждая факты биографии ходатаев. Так, гражданки Барнаула заявляли, что жена бывшего священника М.В. Головачева «получает средства на содержание от своего сына»¹³.

Порой ситуации с лишением прав ближайших родственников доходили до абсурда. Так, в Томске избирательных прав лишили жену священника, умершего в 1911 году¹⁴. В дальнейшем, после обращения в избирком с соответствующим доказательным заявлением, в избирательных правах ее восстановили. Впрочем, смерть главы семьи – «лишенца» часто совершенно не смущала членов райисполкомов, разбиравших ходатайства вдов и детей о восстановлении их в правах. Об этом свидетельствует выписка из протокола заседания президиума Зырянского райисполкома Запсибкрая: «...гр. Ярославцеву со всеми проживающими в ее хозяйстве достигшими 18-летнего возраста и находящимися на ее иждивении лишить избирательных прав как жену умершего попа»¹⁵. Комиссия по разбору жалоб также сочла данное решение обоснованным¹⁶.

Для детей «лишенцев» наиболее болезненным являлся вопрос продолжения образования: «Лишая гражданства нашего отца, тем самым Вы лишаете нас образования, а также и существования»¹⁷. Далее авторы заявления указывали, что их положение в школе стало крайне невыносимым: «Мы как дети лишенца механически выбыли из всех юношеских организаций, кружков и не имеем права участвовать в общественно-организационной работе»¹⁸. Таким образом, дискриминационный статус «лишенца» дети священнослужителей ощущали уже с малых лет.

«Лишенчество» губительно сказывалось на семейных отношениях, вынуждая родственников «лишенцев» делать сложный выбор. Доказывая свою лояльность к советской власти и самостоятельность, дети «лишенцев» приводили различные аргументы, начиная с того, что живут отдельно и сами зарабатывают на жизнь, и заканчивая отречениями от собственных родителей. Как сами священники отрекались от сана и каялись в открытых письмах в газеты, так и дети публично отказывались от родителей: «От отца своего... отказался, о чем сообщил в газету „Путь Ильича“»¹⁹; «Порываю в корне родственную связь с отцом,

¹² ГАТО. Ф.Р-430. Оп. 3. Д. 415. Л. 7. Заявление К.К. Гордеевой в комиссию по восстановлению в правах при Томском горсовете.

¹³ ГААК. Ф.Р-312. Оп. 4. Д. 697. Л. 23.

¹⁴ ГАТО. Ф.Р-430. Оп. 1. Д. 894. Л. 1–13.

¹⁵ ГАТО. Ф.Р-1041. Оп. 1. Д. 729. Л. 14. Выписка из протокола заседания президиума Зырянского райисполкома Запсибкрая от 6-22.09.1930.

¹⁶ Там же. Л. 15. Выписка из протокола № 2 заседания комиссии по разбору жалоб при Зырянском райисполкоме Запсибкрая от 10-11.07.1933

¹⁷ ГАНО. Ф.Р-438. Оп. 1. Д. 1639. Л. 9. Заявление в Татарский райизбирком от Л. Шестковой, Т. Шестаковой, Е. Шестакова, А. Шестакова.

¹⁸ Там же.

¹⁹ ГАНО. Ф.Р-457. Оп. 1. Д.230. Л. 1 об. Заявление Н.И. Исагченко в Болотнинский райисполком.

который в дни революции стал священником»²⁰. Помимо отдельных личных отречений, публиковались целые списки детей, отрекшихся от своих родителей-«лишенцев»²¹.

Другие не шли на столь крайние меры, а только стремились объяснить, что они не несут ответственность за деятельность своих родителей. Так, сын священника Н. М. Шиян в своем заявлении в 1928 г. писал: «...мой отец-старик бывший крестьянин в нынешнем году стал священником. Но чем же я виноват. Я как был крестьянином, так им остался»²². Далее автор заявляет, что «я за отца не отвечаю»²³. Как видим, подобные формулировки встречались в заявлениях еще до знаменитой фразы И.В. Сталина в 1935 г.

Недоумение, непонимание, в чем они провинились перед советской властью, лейтмотивом проходит через заявления детей священнослужителей-«лишенцев». Дочь томского священника писала в своем заявлении в Сибкрайизбирком: «Я не могу понять, почему дети лишенцев тоже лишаются избирательных прав. Ведь дети не могут отвечать за поступки родителей, равно как и родители за поступки детей. Разве мы виноваты в своем рождении, которое зависело не от нас? А между тем мы исключительно за свое рождение несем тяжелое наказание, нас лишают избирательных прав и, как лишенцев, исключают из учебных заведений»²⁴.

Логично было бы предположить, что дочери священнослужителей после замужества исключались из списков «лишенцев», так как даже в том случае, если они не работали, то теперь находились на иждивении мужа. Но личные дела свидетельствуют об обратном: замужество не давало автоматического восстановления в правах, о нем необходимо было ходатайствовать, и не всегда результат был положительным. Так, на обращение дочери диакона, вышедшей замуж, местная избирательная комиссия постановила: «Ввиду того, что гр-ка Кукина (Фреенко) находится в замужестве первый год и ни в чем себя в общественной работе не проявила – в порядке ст. 19. инструкции в ходатайстве отказать»²⁵. Через год сельская комиссия вновь рассмотрела заявление Кукиной и в этот раз наконец решила, что так как Кукина замужем и не находится в материальной зависимости от отца, следует считать Кукину исключенной из списков лишенных избирательных прав автоматически²⁶. По аналогичной причине отказали в восстановлении другой дочери священника:

²⁰ ГАТО. Ф.Р-430. Оп. 3. Д. 812. Л. 4.

²¹ Порывают связь с родителями-лишенцами // Красное знамя. 1930. 28 февраля. С. 4.

²² ГАНО. Ф.Р-912. Оп. 1. Д. 392. Л. 29. Заявление Н. М. Шияна прокурору 4-го участка по Каргатскому району от 27.09.1928.

²³ Там же.

²⁴ ГАТО. Ф.Р-430. Оп. 3. Д. 608. Л. 1. Заявление С.И. Зяблицкой в Сибкрайизбирком от 19.03.1929.

²⁵ ГАНО. Ф.Р-411. Оп. 1. Д. 438. Л. 9. Выписка из протокола № 14 заседания районной избирательной комиссии Вьюнского райисполкома Новосибирского округа от 12.02.1929.

²⁶ ГАНО. Ф.Р-411. Оп. 1. Д. 438. Л. 2. Выписка из протокола № 2 от 22.05.1930 Заседания комиссии по рассмотрению жалоб лишенцев при Лелинском сельсовете.

«...как дочери служителя религиозного культа, жившей на его иждивении до 06.31 г. и не проявившей себя на общественно-полезной работе»²⁷.

Даже в том случае, если дети жили отдельно, власти тщательно изучали ситуацию, выясняя, получают ли дети какую-нибудь помощь от родителей. Так, в случае с детьми томского священника, уехавшего из города в село Литвиново в 1922 г., окружным административным отделом было поручено выяснить, поддерживают ли дети (два сына и дочь) связь с отцом и не получают ли денежной или другой помощи²⁸. В ответ на это поручение поступил рапорт, в котором со слов домовладельца, где жила семья, указывалось, что дети состоят на полном отцовском иждивении, так как раз в месяц он приезжает в город с продуктами в мешках и корзинах²⁹. Сами дети связь с отцом отрицали и обвиняли своего домовладельца в клеветничестве и использовании классовой борьбы в своих интересах³⁰.

В том случае, если дети проживали совместно с родителями, доказать свою финансовую самостоятельность было еще сложнее. Совместное проживание автоматически рассматривалось как материальная зависимость. Одним из вариантов доказать свою независимость от «лишенца» являлся переход на постоянное жительство к другим родственникам, которые проживали на трудовой доход. В сельской местности одним из способов получить самостоятельность являлось составление раздельного акта. Но и это не всегда принималось как аргумент в пользу материальной независимости. Часто такие акты признавались фиктивными, сделанными для вида³¹.

Таким образом, главной задачей для членов семей было доказать, что они не находятся на иждивении, а сами зарабатывают себе на жизнь. В поведении членов семей священнослужителей-«лишенцев» можно выделить две основных линии: доказательство собственной финансовой самостоятельности и полный разрыв с родственниками.

Основными аргументами в пользу финансовой самостоятельности являлись справки с мест работы: в заявлениях акцентировалось внимание на достижениях в трудовой деятельности, на членстве в профсоюзах. В том случае, если члены семей не работали, они стремились доказать, что находятся на иждивении не священнослужителя, а других родственников, которые занимаются трудовой деятельностью. Выражали желание работать и приносить пользу советскому государству. В некоторых случаях дети священников доказывали, что не они находятся на иждивении, а, наоборот, родители, которые в силу возраста не могут работать: «...фактически главой семьи являлся не он, как лишенный возможности зарабатывать себе и семье кусок хлеба, а я...»³². Подобным образом

²⁷ ГАТО. Ф.Р-430. Оп. 3. Д. 596. Л. 12.

²⁸ ГАТО. Ф.Р-430. Оп. 3. Д. 101. Л. 4–4 об.

²⁹ Там же. Л. 5. Рапорт начальнику 1-го отд. Томской городской милиции от 17.12.1929.

³⁰ Там же. Л. 10. Заявление Антоновых в Томский административный отдел от 04.01.1930.

³¹ См. напр. ГАТО. Ф.Р-430. Оп. 3. Д. 639. Л. 15. Выписка из протокола № 59 заседания Коларовского райисполкома от 19.06.1928.

³² ГАНО. Ф.Р-1347. Оп. 1а. Д. 790. Л. 13. Заявление А.М. Копылова в Новосибирскую избирательную комиссию от 10.05.1930 г.

пыталась добиться восстановления в избирательных правах и жена бывшего священника: «... не я живу на средства мужа, каких у него нет, а он, как инвалид, на моем иждивении»³³.

В противовес отказам и отречениям встречаются, хотя и значительно реже, заявления с оправдательными мотивами. В некоторых случаях родители обращались с ходатайствами за детей. Так, священник Е.В. Каменский в своем заявлении доказывал, что его сын находится на иждивении брата и к религии никакого отношения не имеет³⁴. Другой бывший священнослужитель, оставивший церковь по состоянию здоровья, ходатайствовал о восстановлении ради своего сына: «Желая снять с себя пятно, полученное по моей службе, которое чтобы не отражалось на моего сына и не мешало ему в работе...»³⁵. Дети также приводили аргументы в пользу восстановления родителей: «Отец мой, хотя и имел духовный сан священника, но культовых обрядов не совершал по болезни и старости»³⁶. В некоторых случаях жены священнослужителей оправдывали своих мужей: «Потеряв здоровье, он только с 1924 года пошел в служители культа»³⁷. Данные примеры показывают, что даже в экстремальных ситуациях люди сохраняли родственные связи и поддерживали друг друга.

В итоге, восстановления в избирательных правах удалось добиться 64,4 % (76 человек), из них, почти половина (35 человек) были восстановлены в 1930 г., что напрямую связано с деятельностью комиссий по пересмотру списков «лишенцев». При этом детей восстанавливали значительно чаще (60 человек), чем супругов (16 человек). Власти делали ставку на молодое поколение, давая возможность стать «полноправными» гражданами.

Важным долговременным последствием «лишенчества» являлось его разрушительное влияние на институт семьи. Даже после отмены лишения избирательных прав в 1936 г., до середины 1950-х годов в анкетах, заполняемых для поступления на работу, фигурировал вопрос о лишении и восстановлении в избирательных правах самого человека или его родителей³⁸. Следует согласиться с М.С. Саламатовой, в том, что дети «лишенцев» были поставлены в условия жесткого выбора: либо остаться с родителями, либо порвать с ними. И таким образом власти удалось разъединить поколения и нарушить прочность семейных отно-

³³ ГАТО. Ф.Р-1041. Оп. 1. Д. 712. Л. 11 об. Заявление Г. Эрзиной в Сибирскую краевую избирательную комиссию. 1930 г.

³⁴ ГАТО. Ф.Р-430. Оп. 3. Д. 679. Л. 17. Заявление Е.В. Каменского в Протопоповский сельсовет Коларовского райисполкома от 16.02.1926.

³⁵ ГАНО. Ф.Р-449. Оп. 1. Д. 838. Л. 6 об. Заявление Д. Ф. Сосунова в Маслянинскую районную избирательную комиссию Запсибкрая от 01.07.1935.

³⁶ ГАНО. Ф.Р-1347. Оп. 1а. Д. 790. Л. 13. Заявление А.М. Копылова в Новосибирскую избирательную комиссию от 10.05.1930.

³⁷ ГАТО. Ф.Р-1041. Оп. 1. Д. 599. Л. 1. Заявления М. Г. Шубиной в Сибирскую краевую избирательную комиссию от 14.08.1930.

³⁸ Саламатова М.С. «Лишенцы» // Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы). Новосибирск, 2007. С. 29.

шений³⁹. Это касается и детей священнослужителей, которые остро ощущали на себе дискриминационный статус, переходивший на них от родителей.

Особенностью положения детей священнослужителей являлось более настороженное отношение к ним властей. Принадлежность к церкви родителей автоматически делала детей в глазах власти носителями религиозных представлений. И если детей торговцев и других «нетрудовых элементов» рассматривали с точки зрения только материальной зависимости от родителей, то в случае с детьми священнослужителей подключалась идеологическая составляющая. И хотя формально для восстановления в избирательных правах требовалась только материальная независимость и самостоятельный общественно-полезный труд⁴⁰, в реальности к родственникам священнослужителей власти относились с явным предубеждением. Клеймо принадлежности к семье «служителя религиозного культа» прочно прикреплялось к их детям, и даже когда они становились самостоятельными, начинали зарабатывать своим трудом и даже жить отдельно, им приходилось неоднократно обращаться с заявлениями, чтобы получить заветный статус «полноправного гражданина». «Успешность» ходатайств чаще всего достигалась громадной морально-нравственной ценой – радикальным разрывом, демонстративным унижением себя и родителей. Для детей священнослужителей отречение становилось способом показать, что они не разделяют религиозных убеждений родителей. С другой стороны, власти сами подталкивали членов семей на аморализм, при этом продолжая и углубляя недоверие к поведению и позициям ходатаев.

Библиография

Валуев Д.В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) (на материалах Смоленской губернии и Западной области). Смоленск, 2012. 155 с.

Красильников С.А. На изломах социальной структуры. Маргиналы в послереволюционном российском обществе, 1917–конец 1930-х годов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://zaimka.ru/soviet/krasiln1_p1.shtml. Дата обращения 15.07.2016.

Конституции и конституционные акты РСФСР (1918–1937). М., 1940. 299 с.

Полякова Д.А. Семья «лишенцев» на Алтае: борьба за избирательные права // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 2007. Ч. 2. С. 65–68.

Русина Ю.А. «Нет права голоса - нет доверия»: почему лишенцы ходатайствовали о восстановлении в избирательных правах // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 2009. [Вып. 7]. В. 2 ч. Ч. 1. С. 192–200.

Русина Ю.А. Характеристика лишенных избирательных прав за связь с религиозным культом на Урале в 1920–1930-е годы // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е гг.). Нижний Тагил, 1997. С. 119–129.

Саламатова М.С. «Лишенцы» // Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы). Новосибирск, 2007. С. 3–37.

Смирнова Т.М. «Бывшие люди» Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции 1917–1936 годы. М., 2003. 296 с.

³⁹ Там же. С. 98.

⁴⁰ СУ РСФСР. 1930. № 54. Ст. 654. Гл. II, ст. 16. п. «р».